

ГЛАВА ДЕВЯНОСТО ШЕСТАЯ,

в которой рассказывается о том, как сверхштатный чиновник Коу Хун радушно принял Танского наставника и как Танский наставник не прельстился ни роскошью, ни почетом

Все то, что с виду формой обладает,

В действительности формы лишено,

Пустое ж место никогда не пусто,

Хоть пустотой и кажется оно.

Шум, тишина, молчанье иль беседа

По сути дела меж собой равны.

К чему себя во сне мы утруждаем

И тщетно пересказываем сны?

Бывает, что в полезном с виду деле,

Лишь бесполезность кроется одна,

А у того, в ком мы заслуг не видим,

Давно душа заслугами полна.

Добавить надо, что плоды на ветках

Краснеют сами в солнечные дни,

Никто тогда не спросит у деревьев,

Кем и когда посажены они.

Итак, налетел ураган, а когда он утих, монахи не увидели ни Сюань-цзана, ни его учеников. Таким образом наши спутники избавились от провожающих. Монахи больше не сомневались, что путники, посетившие их монастырь, были живые Будды, сошедшие на землю, а потому низко поклонились им вслед и повернули обратно. Тут мы и распрощаемся с ними.

Весна окончилась, и лето постепенно вступало в свои права.

Всюду тихо и мирно

Дни приятны, теплы и дождливы.

Ненюфары, чилимы

Зеленеют на глади озерной.

От дождей благодатных
Наливаются сочные сливы,
И под ветром быстрее
Поспевают пшеничные зерна.
На широких равнинах,
Где недавно цветы облетали,
Волны трав ароматных
Летних дней возвещают начало.
И взрослей и смелее
Желтых иволог выводки стали,
И от этого сразу
Тонким веточкам ив полегчало.
Вон, кормить собираясь,
Громко кличут птенцов куропатки,
Вон летать своих деток
Чайки учат над ширью речною.
Ковш продвинулся к югу,
Стали ночи прозрачны и кратки,
Долгий день уже близок,
Будет вдоволь и влаги и зною.
И куда ни посмотришь —
Звери, птицы, луга, перелески —
Все растет и ликует,
Все купается в славе и блеске.

Пожалуй, не расскажешь во всех подробностях о том, как наши путники вставали по утрам, завтракали, а по вечерам останавливались на ночлег, с опаской обходили горные потоки и очень осторожно переходили крутые склоны. Полмесяца шли они по ровной и покойной дороге и вдруг снова увидели впереди городские стены.

— Ученик мой! — сказал Танский наставник, обращаясь к Сунь У-куну. — Что это за место такое?

— Не знаю, не знаю! — ответил Сунь У-кун.

Чжу Ба-цзе засмеялся:

— Как же ты не знаешь? Ведь ты не раз бывал на этой дороге! Опять хитришь! Прикидываешься, будто не знаком с этой местностью, чтобы посмеяться над нами!

— Этот дурак совсем ничего не соображает! — обозлился Сунь У-кун. — Я и в самом деле бывал здесь, но всякий раз пролетал на своем облачке на высоте девятого неба. Ни разу мне не приходилось спускаться вниз, да и незачем было. Поэтому я и говорю, что не знаю этих мест. С чего это ты взял, что я хитрю?

Так, споря между собой, они не заметили, как подошли к окраине города. Танский наставник слез с коня, перешел через висячий мост и вошел в городские ворота. На длинной улице, под навесом одного из домов сидели два старца, о чем-то беседуя.

— Братцы! — едва слышно произнес Танский монах, обращаясь к своим спутникам. — Пойдите пока здесь, опустите головы и не позволяйте себе никаких вольностей. А я пойду спрошу у старцев, что это за место.

Ученики повиновались и остановились как вкопанные.

Танский наставник подошел к старцам, сложил руки ладонями вместе и произнес:

— Почтенные благодетели мои! Я, бедный монах, прошу позволения обратиться к вам с просьбой!

Старцы в это время вели праздную беседу и толковали о разных разностях. Рассуждали о годах расцвета и годах упадка, об удачах и неудачах, вспоминали мудрых и прозорливых, геройские подвиги былых времен. Думали, гадали, где теперь находятся сами герои и что с ними стало, сокрушались и вздыхали. Вдруг они услышали, что кто-то обратился к ним. Они поклонились Танскому наставнику в ответ на его приветствие и в свою очередь спросили его:

— Уважаемый наставник! Что ты хочешь сказать нам?

— Я, бедный монах из далеких стран. Иду в обитель Будды, чтобы поклониться ему, — начал Сюань-цзан. — Только что прибыл в ваш благодатный край и не знаю, как он называется. Не скажете ли вы, где найти доброго хозяина, который покормил бы нас из милости.

— Наш округ называется Медная башня, — сказал один из старцев. — За этим городом есть уезд, который называется уездом Земных духов. Если ты, уважаемый наставник, голоден, можешь не просить подаяния, а ступай дальше, пройдешь через расписные ворота и выйдешь на улицу, ведущую с юга на север, там, на западной стороне, увидишь высокие ворота с башенкой, обращенные на восточную сторону, с изваяниями сидящих тигров. Это будет дом богатого сановника Коу Хуна. Перед воротами увидишь табличку, на которой написано: «Вход для десяти тысяч монахов». Тебя, пришедшего из дальних стран, там наверняка примут и накормят. Ступай, ступай! Не мешай нам вести беседу!

Танский наставник поблагодарил старцев и вернулся к своим.

— Это округ Медная башня уезда Земных духов, — сказал он, обращаясь к Сунь У-куну. — Старцы сказали мне, что, пройдя через расписные ворота, мы выйдем на улицу, которая ведет с юга на север. На этой улице стоят ворота с башенкой, обращенные к востоку, с изваяниями сидящих тигров. Там живет богатый сановник Коу Хун. Перед воротами есть табличка, на которой написано: «Вход для десяти тысяч монахов». Старцы посоветовали мне отправиться туда и попросить, чтоб нас покормили.

— Вот уж поистине Западная страна — обитель Будды, — воскликнул Ша-сэн. — Здесь чуть ли не в каждом доме накормят монаха. Поскольку это всего лишь уезд, нам не придется получать здесь пропуск. Давайте зайдем туда, попросим покормить нас, подкрепимся и — в путь-дорогу.

И вот наставник и трое его учеников, медленно шагая, пошли по главной улице. Прохожие в страхе глазели на них, окружив со всех сторон и строя на их счет различные догадки и предположения. Наставник велел своим ученикам молчать и все время твердил: «Ведите себя пристойно». Они шли, опустив головы, не осмеливаясь глаз поднять. Завернув за угол, наши путники действительно увидели большую улицу, ведущую с юга на север, и пошли по ней.

Вскоре им бросились в глаза ворота с башенкой и изваяниями тигров. Затем они увидели стенку, служившую щитом, на которой висела большая вывеска: «Вход для десяти тысяч монахов». Танский монах восторженно воскликнул:

— Вот уж поистине здесь, на западе, настоящая райская обитель Будды! Тут уж нас никто не обманет: ни мудрый, ни глупый. Я было не поверил тем старцам. Но вот видите, они сказали сущую правду.

Чжу Ба-цзе — грубый по природе — уже хотел было войти в ворота, но Сунь У-кун удержал его:

— Постой! — сказал он. — Обождем, когда кто-нибудь выйдет, расспросим обо всем и уж тогда войдем.

— Старший брат прав, — сказал Ша-сэн, — как бы нам не разгневать здешнего благодетеля, а то войдем запросто, как будто мы свои.

Путники остановились, расседлали коня и сняли поклажу.

Вскоре из ворот вышел седовласый человек с безменом в одной руке и с корзинкой в другой. При виде наших путников он так перепугался, что выронил все из рук и стал пятиться назад.

— Хозяин! — воскликнул он. — У ворот стоят четверо монахов весьма странных на вид.

В это время хозяин дома, опираясь на посох, прогуливался по внутреннему дворику, непрерывно славя Будду. Услышав это известие, он от неожиданности выронил свой посох и поспешил к воротам встретить пришельцев. Не обращая внимания на безобразные лица учеников Танского монаха, он радушно приветствовал их:

— Входите, милости просим! Входите! — любезно приглашал он.

Танский наставник и его спутники с величайшей почтительностью и скромностью вошли в ворота. Хозяин шел впереди, показывая дорогу. Они свернули в переулок и подошли к дому.

— Это — помещение для самых почетных гостей, — сказал хозяин, — здесь есть специальные залы для моления Будде, для чтения священных книг и для вкушения трапезы. Я и мои домочадцы, старые и малые, живем в помещении для менее почетных гостей.

Танский монах то и дело выражал свой восторг и был очень доволен. Он достал свое монашеское одеяние, облачился в него, поклонился изваянию Будды и вошел в молельню. О том, что он увидел там, лучше рассказать в стихах:

Дым волной ароматной

Плывет в этом маленьком храме,

И сквозь легкое марево

Яркие свечи горят.

Зал блестит позолотой

И пышно разубран цветами,

И узорчатых стен

Поражает роскошный наряд.

Здесь для мирной молитвы

Все смогут найти богомольцы,

Красной киноварью

Перекладин покрыты ряды,
Из червонного золота
Блещут на них колокольцы,
Колыхаясь вверху,
Как в саду — наливные плоды.
В глубине, на подставках,
Сверкающим лаком покрытых,
Барабаны узорные
Друг против друга стоят,
Сотни Будд золотых,
Как живые, повсюду глядят,
И ковры дорогие
Пестреют на мраморных плитах,
А на пышных хоругвях,
Цветными шелками расшитых,
Реют восемь «сокровищ»,
Расцветкою радуя взгляд.
Много утвари древней:
Курильниц и ваз вереницы,
Старой бронзой блестя,
Протянулись вдоль каждой стены,
В темных чашах курильниц
Сандал благовонный дымится,
И тяжелые вазы
Живых ненюфаров полны.
А на пестрых столах,
Изукрашенных лаком цветистым,
Дорогие шкатулки

Сверкают искусной резьбой.
Здесь предаться ты можешь
Раздумьям глубоким и чистым,
Благородных курений
Вдыхая туман голубой.
Полон пышных святынь,
Изваяний и знаков заветных,
День и ночь этот зал
Для молитв и гаданий готов:
На столах нарисованы
Пять облаков разноцветных,
А шкатулки полны
Лепестками душистых цветов.
Вот стеклянные чаши:
Чиста и прозрачна, сверкает
В них святая вода.
Вот напевно и мерно звенит
Золоченое било
И словно наш дух окликает,
И от грешной земли
Увлекает в небесный зенит.
И не трудно поверить,
Что много столетий не гасло —
С той поры, как повсюду
Святое ученье царит, —
Это яркое пламя
Душистого, чистого масла,
Что в хрустальных лампадах

Пред ликами Будды горит.
Право, можно сказать,
Что чудесная эта молельня
От мирской суеты
Словно стенами ограждена.
Пусть не в храме, а в доме,
Но святость ее беспредельна,
И любой монастырь
Красотой превосходит она.

Танский монах вымыл руки, взял благовонные свечи и стал молиться, отбивая земные поклоны.
По окончании молитвы он повернулся к хозяину дома и поклонился ему.

— Постой! — остановил его хозяин. — Давай войдем в зал для чтения священных книг и там представимся друг другу.

О, какой это был зал!

На изукрашенном помосте,
Широком, четырехугольном,
Внимание сразу привлекают
Ряды высоких поставцов.
Откроешь — и на каждой полке
Увидишь кипы книг старинных,
Все истины земли и неба —
Творенья древних мудрецов.
А рядом с ними на помосте
Играют золотом и яшмой
Ларцы и ларчики резные,
Расставленные там и сям:
В них свитки ценные хранятся,

Собрания старинных грамот —
На радость мудрому владельцу,
На удивление гостям.
На хрупких столиках узорных,
Покрытых лаком драгоценным,
Сверкают тушечницы с тушью,
Бумага, кисти для письма,
И все, что видишь в этом зале,
Как в лучшем из книгохранилищ,
Полно приятных развлечений
Для просвещенного ума.
Вот перед ширмой ярко-красной,
Перцового, густого цвета,
Изящно выгнутые лютни
Расставлены невдалеке,
Вот в удивительном порядке
Разложены картины, книги,
А вот точеные фигуры
Блестят на шахматной доске.
И тут же золотой отделкой
Блится яшмовое било,
Чей величавый, звучный голос
К священным помыслам зовет.
А рядом со стены свисает
Густая «борода дракона»,
Что охраняет от соблазнов,
От праздных мыслей и забот.
Струится в окна свежий воздух,

Вселяя и покой и бодрость,
Душе усталой помогая
Свои тревоги превозмочь.
Здесь каждому на ум приходят
Одни возвышенные мысли,
А все желания мирские
Невольно отступают прочь.

Войдя в этот зал, Танский наставник хотел было опять приветствовать хозяина, но тот снова удержал его:

— Прошу прежде снять с себя дорогое облачение, — сказал он.

Танский монах снял рясу, и тогда только хозяин обменялся с ним положенными поклонами. Затем позвали Сунь У-куна и остальных учеников, чтобы те тоже могли представиться хозяину. После этого хозяин велел накормить коня, сложить поклажу под навесом и лишь тогда завел беседу с гостями, поинтересовавшись, кто они такие и откуда идут.

— Я, бедный монах из восточных земель, — начал Сюань-цзан, — посланец великого Танского государства. Прибыл в вашу благодатную страну, чтобы посетить чудесную гору Линшань, поклониться Будде и испросить у него священные книги. Узнав, что в твоих драгоценных хоромах уважают монахов, я явился сюда поклониться тебе и попросить накормить нас, чтобы мы тотчас же могли отправиться дальше.

Лицо хозяина при этих словах просветлело, и он, радушно посмеиваясь, стал рассказывать о себе.

— Меня, недостойного, зовут Коу Хун, — сказал он, — а прозвище мое «Великодушный». Вот уже шестьдесят четыре года зря живу на свете. Сорока лет я дал зарок принять и накормить ровно десять тысяч монахов. Нынче исполнилось ровно двадцать четыре года, как я дал свой обет. У меня ведется книга записей, в которую я заносу имена монахов, облагодетельствованных мною. Недавно на досуге я сосчитал монахов, которым дал приют, — за все это время их оказалось девять тысяч девятьсот девяносто шесть человек. Не хватало еще четырех монахов. И вот сегодня небо как раз и ниспослало мне вас, четверых. Заветное число десять тысяч, таким образом, завершается. Прошу тебя, уважаемый наставник, сообщить мне ваши имена. Вы уж как хотите, но поживите у меня с месяц или подольше, а затем я велю подать паланкин и коней, чтобы проводить тебя на гору, почтенный наставник. Отсюда до чудесной горы Линшань всего только восемьсот ли. Теперь совсем недалеко.

Танский наставник от этих слов пришел в неопишуемую радость и скрепя сердце согласился пожить здесь немного. Но об этом мы рассказывать не будем.

Все слуги, от мала до велика, стали носить дрова, таскать воду, брать крупу, муку и разные овощи, готовить трапезу.

Хозяйка, встревоженная шумом, спросила:

— Что за монахи явились к нам в дом и почему из-за них поднялась такая суматоха?

— Это не простые монахи, — отвечали слуги. — Они говорят, что их послал сам император великого Танского государства и что идут они из восточных земель на чудесную гору Линшань поклониться Будде. Они прошли невесть какой дальний путь.

Хозяин говорит, что это само небо ниспослало их нам, и велел скорей приготовить еду, чтобы угостить их.

Хозяйка, услышав их слова, тоже обрадовалась и позвала служанок:

— Принесите мне мое самое лучшее платье, — приказала она. — Я выйду посмотреть на них.

— Госпожа, смотреть можно лишь на одного из них, — предупредили ее слуги, — а на трех остальных лучше не глядеть: уж очень страшны на вид.

— Вы не знаете, — отвечала им хозяйка, — что все безобразные, уродливые и причудливые являются небожителями, сошедшими на землю. Поспешите доложить вашему господину, что я выйду.

Слуги стремглав прибежали в зал для чтения священных книг и обратились к хозяину:

— Госпожа идет! Она хочет поклониться почтенным отцам из восточных земель.

Танский монах, услышав их слова, тотчас же поднялся с места.

Между тем хозяйка уже успела войти в зал. Вскинув глаза на Танского монаха, она увидела, что он был величавой наружности, красив собой и мужествен. Затем она взглянула на его учеников и хоть знала, что они — небожители, спустившиеся на землю, тем не менее испугалась, опустилась на колени и начала кланяться.

Танский наставник, поклонившись ей в ответ, промолвил:

— Ты обозналась, добрая женщина, мы недостойны подобного уважения.

Тогда хозяйка обратилась к мужу:

— Почему же эти четверо монахов не сидят рядом?

Чжу Ба-цзе выпятил рыло и рявкнул:

— Мы трое всего лишь ученики и спутники! — Голос его прозвучал, словно рык тигра в глухих горах!

Хозяйка так и задрожала от страха.

В это время появился еще один слуга и доложил:

— Двое младших дядюшек наших тоже пожаловали сюда!

Танский наставник поспешно обернулся и увидел двух молодых сюцаев. Войдя в зал, молодые люди совершили земной поклон и этим так смутили Танского наставника, что он тут же опустился на колени, чтобы ответить им, однако хозяин успел удержать его и сказал:

— Это мои сыновья. Одного зовут Коу Лян, а другого — Коу Дун. Они только что пришли с занятий и еще не обедали. Узнав, что вы пожаловали к нам, они явились вам поклониться.

Танский наставник пришел в восторг и стал восклицать:

— Вот умники! Вот умники! Верно говорится: «Желаешь иметь добродетельных учеников — твори добро; а хочешь иметь хороших сыновей и внуков — заставляй их учиться!».

Оба сюцая обратились к отцу с вопросом:

— Откуда прибыл этот уважаемый наставник?

— Издалека, — улыбнулся Коу Хун. — Он — посланец самого императора великого Танского государства, которое находится в восточных землях на Южном материке. А идет он на чудесную гору Линшань поклониться Будде и испросить у него священные книги.

Один из сюцаев сказал:

— Я читал книгу «Пространные записки о всевозможных событиях», в которой говорится, что в мире существует только четыре материка. Мы живем на Западном материке, который называется Синюхэчжоу. Еще существует Восточный материк — Дуншэншэньчжоу. Думается мне, что от Южного материка Наньшаньчжоу до нас пришлось идти бог весть сколько лет!

Танский наставник засмеялся:

— Мне, бедному монаху, в пути приходилось больше задерживаться, чем двигаться. Часто встречались злые духи-мары и жестокие оборотни, от которых я испытывал множество страданий и терпел немало горя. Только благодаря моим ученикам, которые охраняли и защищали меня, я оказался здесь, в вашем благодатном краю. По моим подсчетам, за все это время уже четырнадцать раз сменялись зимняя стужа и летний зной.

Услышав столь замысловатый оборот речи, оба сюця стали расхваливать Танского наставника, и все твердили:

— Вот уж поистине святой монах! Действительно святой!

Пока они восторгались, явился еще один слуга и возвестил:

— Кушать подано! Просим вас, уважаемые, пожаловать к столу.

Хозяин велел жене и сыновьям удалиться, а сам остался с монахами. Он ввел их в зал для трапезы. Там все уже было приготовлено. Стоял позолоченный стол и кресла, покрытые черным лаком. Искусныестряпчие изготовили замечательные яства из различных плодов, которые были выставлены в первом ряду. Таких наши путники еще никогда не ели. Во втором ряду находилось пять блюд с различными закусками. В третьем ряду стояло пять ваз со свежими фруктами, а последний, четвертый ряд занимали пять больших подносов с самыми разнообразными яствами. Все это выглядело очень аппетитно и издавало приятный аромат. Тут были постные супы, отварной рис, блины с начинкой, круглые мучные пампушки. Как говорится:

Все с пылу с жару, бьется запах пряный,

Невольно разжигая аппетит

Все обещает гостю кров желанный,

Все угощение сытное сулит.

Слуги носились как угорелые, едва успевая подавать разные угощения. Пять поваров работали не покладая рук. Одни варили супы, другие — рис. Слуги сновали взад и вперед, как метеоры, гоняющиеся за луной.

Чжу Ба-цзе, словно ветер, разгоняющий тучи, набрасывался на кушанья и в один присест опорожнял целую плошку еды.

Танский монах и его ученики поели на славу. Поднявшись из-за стола, Сюань-цзан поблагодарил хозяина и стал собираться в дорогу, но Коу Хун удержал его.

— Уважаемый наставник, не беспокойся, пожалуйста! Поживи у меня несколько деньков, — сказал он. — Ты же знаешь поговорку: «Начинать легко, а заканчивать трудно». Обожди, пока

совершу молебен по случаю выполнения обета. Вот тогда я дерзну сам проводить тебя.

Танский наставник, видя, с какой искренностью хозяин просит его, не мог отказать и остался.

Прошло дней пять, а может быть и семь. И вот однажды хозяин дома Коу Хун пригласил к себе двадцать четыре местных монаха, чтобы они отслужили молебен по случаю выполнения обета. Несколько дней монахи читали писание, вычисляя, когда выпадет счастливый день, и, наконец, начали служить молебен Будде. Оказывается, что служба здесь совершалась точно так же, как и на родине Танского наставника. Вот послушайте:

Развешаются по ветру
Разноцветные хоругви,
Перед изваяньем Будды
Вьется легкий фимиам,
А монахи со свечами
Встали ровными рядами
И несут святыя жертвы
К золотым его стопам.
Вот торжественно и мерно
Загудели барабаны,
И звенящим громом гонгов
Тяжко воздух сотрясло,
Зазвучали дудки, трубы,
И от каждого удара
Гул родят многоголосый
Била дивные «Юньло».
А за ними чисто, звонко
Флейты разом заиграли,
Мелодичною руладой
О молебне возвестив.
Знают ритуал монахи:

То ударят в барабаны,
То на дудках повторяют
Установленный мотив.
После громких восклицаний
В тишине благоговейной
Величаво приступают
К чтению сокровенных книг:
Первым делом к местным духам
Обращаются с молитвой,
Просят милости и блага
У таинственных владык.
А потом мольбы возносят
И к небесным воеводам,
В небо грамоты святы
Посылают им с огнем,
Сотни раз кладут поклоны
Перед Буддой всемогущим,
Чтоб спасенье даровал им
В милосердии своем.
Вот уже павлинью сутру
С упоением читают:
Что ни слово — избавленье
От земных тревог и бед,
Вот уже пред изваяньем
В честь врачующего Будды
Фонари зажглись цветные,
Излучая ясный свет.
А потом в знак покаянья

Омовенье совершают,
Чтобы смыть святой водою
Все обиды, все грехи,
И «Буддийские запреты»
Нараспев читают звучно:
Избавляют от наветов
Эти дивные стихи.
Строго следуют монахи
Трем учениям буддийским,
Чистым сердцем удалившись
От соблазнов и утех.
Видно, мудрые шраманы
Одинаковы повсюду.
Видно, высшие законы
Одинаковы для всех.

Молебен закончился на третьи сутки. Танский наставник не переставал думать о храме Раскатов грома и, наконец, принял непреклонное решение отправиться в путь. Он вновь стал благодарить хозяина и прощаться с ним.

— Уважаемый наставник! Зачем ты так торопишься? Видно, пеняешь на меня, что я все эти дни был занят молебном и не уделял тебе достаточно внимания?

— Да что ты! — перебил его Сюань-цзан. — Мы и так причинили тебе столько беспокойства, весь дом взбудоражили. Не знаю даже, чем отблагодарить тебя за гостеприимство. Разве я посмею пенять на тебя?! Но дело в том, что, отправляя меня в путь, мой премудрый государь спросил меня, когда я вернусь, и я по неразумию своему ответил, что вернусь через три года. Я никак не ожидал, что в пути будет столько препятствий. С тех пор как я покинул родину, прошло уже четырнадцать лет! Между тем я еще не знаю, когда получу священные книги. На обратный путь тоже потребуется лет двенадцать — тринадцать. Вот и выходит, что я нарушил священную волю моего государя! Чем смогу я искупить вину свою? Прошу тебя, добрый хозяин, позволь мне, бедному монаху, тотчас же отправиться в путь. Когда буду возвращаться, непременно навещу тебя снова и уж тогда ничто не помешает мне пожить у тебя подольше!

Чжу Ба-цзе не сдержался.

— Наставник, какой ты несговорчивый! — сказал он, вмешавшись в разговор. — Никак не хочешь уступить. Наш почтенный хозяин, глава большой семьи и обладатель огромных богатств, дал обет приютить десять тысяч монахов! И вот теперь он выполнил свой обет. Нам следовало бы пожить у него хоть с годик, тем более что он сам чистосердечно просит нас об этом, да и нам это ничуть не помешает. Когда еще ты встретишь таких добрых людей! А ты хочешь отказаться от всех этих благ и снова выпрашивать подаяние?

Танский наставник вскрикнул от негодования и напустился на Чжу Ба-цзе

— Ах ты, негодяй! — закричал он. — Только и знаешь, что жрать, ничего не смыслишь в путях возвращения к Истине. Вот уж, верно, про тебя, скотина, говорится: «Кто жрет из корыта, у того в животе свербит!» — Обратившись к остальным ученикам, он добавил: — Если и вы такие же чревоугодники, как этот Дурень, то завтра же я отправляюсь в путь один!

Заметив, что наставник от возмущения даже в лице изменился, Сунь У-кун схватил Чжу Ба-цзе за шиворот и стукнул его кулаком по голове.

— Дуралей! Не знаешь, что говоришь! — крикнул он. — Смотри, как разгневал нашего наставника! Теперь он и на нас сердится!

— Ну и здорово же ты его хватил! — засмеялся Ша-сэн и, обернувшись к Чжу Ба-цзе, добавил: — Ты когда молчишь, и то вызываешь отвращение своим мерзким видом, а тут еще вздумал совать свое рыло!

Ба-цзе тяжело дышал, едва сдерживая вспыхнувшую в нем злобу. Однако он отошел в сторону и не посмел больше сказать ни слова.

Хозяин, чтобы восстановить мир, стал еще более любезным.

— Почтенный наставник, — сказал он, и лицо его расплылось в приветливой улыбке, — не горячись! Потерпи еще денек, а завтра мы устроим вам проводы с флагами и барабанами. Я приглашу из соседних селений своих родных и близких и вместе с ними провожу вас.

В это время вошла хозяйка.

— Уважаемый наставник! — воскликнула она, обратившись к Танскому монаху. — Раз уж ты пожаловал к нам, не отказывайся пожить у нас еще немного. Который день ты здесь?

— Уже прошло полмесяца, — удрученно ответил Танский наставник.

— Ну и что же? Эти полмесяца зачтутся в число благодеяний хозяину дома, — сказала хозяйка. — У меня ведь тоже есть деньжата: я заработала их рукоделием. Вот и хочу на них угощать вас всех еще с полмесяца!

Не успела она договорить, как в зал вошли Коу Дун и его брат.

— Уважаемые отцы! — сказали они, обращаясь ко всем четверым монахам. — Больше двадцати лет отец давал приют и пищу разным монахам, но таких замечательных, как вы, мы еще никогда не видели. Ныне, к счастью, обет выполнен, и вы, четверо, снизошли к нам, как луч яркого света в бедную хижину. Мы еще молоды, не знаем основ учения о причинах и следствиях, но нам приходилось часто слышать такую поговорку: «За добрые дела свекра воздастся свекру, за добрые дела свекрови воздастся свекрови, а кто не творит добрых дел, тому ничего не воздастся». Вот поэтому наши родители и хотят теперь хоть сколько-нибудь угодить вам, чтобы при своем перерождении получить за это какое-нибудь воздаяние. Зачем же вы с таким упорством отказываете им в их просьбе? Да и мы, неразумные братья, тоже хотим угощать вас с полмесяца на те деньги, что скопили за уроки, а уж тогда и проводим вас!

— Как же вы, премудрые братья, изволите проявлять мне свою любовь, когда я не осмеливаюсь принять даже приглашения вашей любезной матушки? — возразил Танский наставник. — Я ни в коем случае не посмею принять вашего приглашения и нынче же утром тронусь в путь. Молю вас не винить меня за это. Нарушение срока, установленного моим государем, явится преступлением, не заслуживающим никакого снисхождения.

Убедившись, что Танского наставника не переспоришь, хозяйка и ее сыновья рассердились:

— Мы от всего сердца предлагаем ему наше гостеприимство, а он упирается и слушать не хочет. Что ж, пусть отправляется! С какой стати утруждать себя напрасными уговорами!

С этими словами мать и сыновья отвернулись от Танского наставника и ушли к себе.

Чжу Ба-цзе снова не стерпел.

— Учитель, — проговорил он, обращаясь к Танскому наставнику, — не надо так важничать! Недаром говорится: «Если приглашают, нужно оставаться, не то вызовешь нарекания!». Мы бы еще месячишко пожили, потешили бы хозяйку и ее сыновей, вот бы и хорошо было. Зачем же торопиться?

Танский наставник снова вскрикнул от негодования и хотел было напустить на него, но Дурень стал бить себя по щекам, приговаривая:

— Ведь говорили тебе «помалкивай!», — а ты опять лезешь!

Сунь У-кун и Ша-сэнь прыснули со смеху.

— Ты что это смеешься? — напустился наставник на Сунь У-куна, и, прищелкнув пальцами, стал читать заклинание о сжати облуча.

В полном смятении Сунь У-кун встал на колени и начал оправдываться:

— Учитель! Я ведь не смеялся! Честное слово, не смеялся! Молю тебя, не читай заклинание! Не читай!

Хозяин дома, видя, что ссора разгорается, не стал больше уговаривать их.

— Почтенный наставник! — вскричал он. — Не надо ссориться. Обещаю тебе завтра же ранним утром проводить вас.

С этими словами хозяин удалился. Он велел своим письмоводителям написать сто листков с приглашениями всем его родным и близким в соседних селениях, чтобы они завтра рано утром прибыли на проводы почтенного монаха из Танского государства, направляющегося на Запад. Затем он велел поварам приготовить прощальный пир, а своему управляющему приказал распорядиться, чтобы изготовили двадцать пар разноцветных флагов и пригласили музыкантов. Кроме того, он велел из монастыря «Наньлайсы» вызвать буддийских монахов, а из монастыря «Дун-я-гуань» — даосских монахов, причем предупредил, что все должно быть готово завтра к часу сы.

Слуги, получив распоряжения от управляющего, отправились выполнять их.

Вскоре стало смеркаться. После вечерней трапезы все удалились на покой. Наступила пора, когда

Над чужою деревней,

В ночных небесах пролетая,

Прощумела крылами

Ворон запоздалая стая.

Только звон колокольный

Да гул барабанного боя

Тихим ветром разносит

Над башнею сторожевою.

Опустели базары,

Безлюдно на улицах главных,

Ночники чуть мерцают

Сквозь щели в задвинутых ставнях.

Тонкий месяц блестит,
Веет ветер, колышутся стебли,
Задремавших цветов
Прихотливые тени колебля.
И Река серебристая
В небе течет безучастно,
Робких звезд хоровод
Озарив равнодушно и ясно.
Лишь под сенью густою
По-прежнему тень непроглядна,
Где кукушка кукует
Медлительно и безотрадно.
А небесная флейта
Умолкла над спящей рекою,
И земля недвижима
В своем величавом покое.

Когда наступило время между третьей и четвертой ночной стражей, все распорядители и слуги поднялись и начали готовиться к проводам. Посмотрели бы вы, как суетились повара на кухне приготавливая прощальный пир, как переругивались между собой швеи, изготавливая флаги и знамена в помещении перед главным залом. Слуги тоже все были заняты: одни помчались за монахами, другие бросились за музыкантами. Рассыльные с приглашениями сновали туда и обратно, готовившие паланкин и выезд на конях ругались и кричали друг на друга. Шум не прекращался до рассвета. К девяти часам утра все было готово, и все благодаря несметному богатству хозяина.

Обратимся, однако, к Танскому наставнику и его ученикам. Они встали очень рано. К ним снова явилось множество слуг, чтобы ухаживать за ними. Танский наставник велел собрать поклажу и оседлать коня. Дурень Чжу Ба-цзе, услышав об отъезде, надулся. Бормоча что-то про себя, он принялся укладывать монашеские одежды и патру, а затем стал искать коромысло. Ша-сэн занялся чисткой коня и сбруи, а потом, взнуздав и оседлав коня, стал ожидать наставника. Сунь У-кун вручил наставнику посох с девятью кольцами, повесил ему на грудь суму с дорожной, и они только было собрались выйти, как хозяин и все его домочадцы стали просить путников пройти в большой зал. Оказывается, там все уже было готово для пиршества. Но пир этот был совсем не такой, как в первый раз.

На дверях и на окнах —
Распахнутые занавески,
Всюду хрупкие ширмы,
Все светится в утреннем блеске,
И большая картина,
Сверкая, висит посредине,
Возвещаая гостям
Долголетье и счастье отныне.
А по стенам узорным
Развернуты свитки цветные,
Светят мягкими красками
Виды на них расписные:
Голубеет весна,
Зеленеет обильное лето,
Осень желтой листвою,
А зима белым снегом одета.
Из треножных сосудов
В узорах драконов занятных
Не спеша поднимаются
Волны дымков ароматных,
И повсюду увидишь
Средь этих паров благовонных
Черепашек и сорок,
На курильницах изображенных.
Посмотри, сколько блюд,
Сколько тонких и редкостных брашен,
Каждый стол в этом зале
Нарядно цветами украшен

Леденцы в виде львов
Возвышаются пестрою грудой,
И уставлены скатерти
Тонкой цветною посудой.
Все к усладам зовет,
Все обилием радует взоры,
Перед входом, у лестниц,
Стоят наготове танцоры,
Музыканты сошлись,
Нарядясь в разноцветные ленты,
Перед пиром веселым
Настраивают инструменты.
На столах золоченых,
Расставленных в зале рядами,
Драгоценные вазы
Полны наливными плодами,
А парчовые скатерти
Шелком расшиты цветистым
И обильные кушанья
Маслом блестят золотистым.
Сладок рис отварной,
Удивительно вкусный и сытный,
И от постных супов
Поднимается пар аппетитный,
А душистого чая
И сладостных вин ароматы
Словно дымкою прелести
Зал оживляют богатый.

Хоть радушный хозяин
Не знатного происхожденья,
Но и яствам царей
Не уступят его угощенья.
А вокруг — восторгаясь
И пир возвещая великий,
Сотрясают и небо
И землю веселые клики!

В тот самый момент, когда Танский монах обменивался поклонами с хозяином дома, явился слуга и доложил:

— Гости пожаловали!

То были жившие по соседству и получившие приглашения старшие и младшие братья хозяина со своими семьями, а также сестры с мужьями. Кроме того, к Танскому монаху подошли и приветствовали его поклонами благодетели из этой же округи и друзья хозяина, славящие Будду. По окончании приветствий все расселись по своим местам. Внизу зазвучали барабаны, лютни и дудки, вверху зазвенели струны, и началось пение, услаждающее слух пирующих.

Чжу Ба-цзе был так поглощен едой, что ничего не замечал вокруг. Обратившись к Ша-сэну, он сказал ему:

— Брат! Наедайся как следует. Мы никогда больше не найдем такого прекрасного и обильного угощения!

— С чего ты это взял? — усмехнулся Ша-сэн. — Знаешь пословицу? «Если ты сыт, никакие драгоценные яства на ум не пойдут, а запасов не сделаешь, живот не кубышка».

— Не в этом дело! — прервал его Чжу Ба-цзе. — Какой непонятливый! Вот я сужу по себе: если наемся досыта, то целых три дня не почувствую голода, как бы ни работал.

Сунь У-кун услышал и сказал.

— Смотри, Дурень, как бы живот у тебя не лопнул! Мы ведь сейчас отправляемся в путь!

Незаметно наступил полдень. Танский монах, сидевший на главном месте, поднял палочки для еды и начал читать благодарственную молитву. Чжу Ба-цзе засуетился и принялся доедать все

остатки, опустошая одним духом целые плошки, а затем стал сваливать в свои широченные рукава мучные пампушки, блины с начинкой, жареные блины и печеные плоды, пока не набил ими оба рукава до отказа, лишь после этого он встал из-за стола. Танский наставник уже в который раз поблагодарил хозяина дома, затем всех присутствующих, после чего все вместе направились к выходу.

Посмотрели бы вы на разноцветные флаги и роскошные балдахины, на барабанщиков и музыкантов, выстроившихся за воротами!

Тут еще подросли монахи-буддисты и монахи-даосы.

— Что же вы так поздно? — с улыбкой спросил их хозяин. — Танский монах очень торопится и вы даже не успеете вкушать трапезы. Придется угостить вас после проводов, когда вернемся.

Толпа расступилась. Носильщики понесли паланкин, верховые поскакали верхом, пешие пошли пешком — все двинулись, пропуская вперед Танского монаха и его учеников.

Музыка и бой барабанов потрясали небо, флаги и хоругви скрывали солнце, люди собирались толпами, кони и повозки запрудили всю улицу. Все жители города спешили посмотреть, как Коу Хун провожает Танского монаха.

Про эти богатые и почетные проводы сложены даже стихи:

Окружают его жемчуга, изумруды,
Восседает он на драгоценном ковре,
Да, великий почет был оказан монаху,
Словно царской невесте в парчовом шатре.

Буддийские монахи на прощанье хором пропели песнопения о Будде, а даосы протрубили какие-то таинственные звуки. Они проводили наших путников за городские ворота.

Когда шествие прибыло на первую станцию в десяти ли от города, опять было подано угощение в дорожных сосудах и флягах. Подняли чарки с вином, выпили и стали прощаться. Но Коу Хун никак не мог расстаться со своими гостями.

— Почтенный наставник, — говорил он, глотая слезы. — Когда будешь возвращаться со священными книгами, непременно поживи у меня хоть несколько дней, иначе сердце мое не успокоится.

Танский монах был очень растроган и не переставая благодарил Коу Хуна.

— Если я прибуду на чудесную гору Линшань и получу возможность лицезреть Будду, то прежде всего поведаю ему о твоей великой добродетели, — сказал он, — а на обратном пути непременно переступлю порог твоего дома и земно поклонюсь тебе в знак глубокой благодарности. Поклонюсь до самой земли, — повторил он.

Так, прощаясь друг с другом, они незаметно прошли еще два или три ли. Наконец Танский наставник взмолился дальше не провожать его. Коу Хун громко разрыдался и повернул обратно.

Вот уж поистине:

Кто свой обет сдержал —

Приют давать монахам,

Тот сам верховного

Прозрения достиг,

И все же от него,

Пока не станет прахом,

Великий Будда скрыл

Свой лучезарный лик.

Однако оставим Коу Хуна, который вернулся обратно вместе со всеми провожающими, и продолжим наш рассказ об учителе и его учениках.

Когда они отошли на несколько десятков ли, стало смеркаться.

— Уже вечерет, — сказал наставник, обращаясь к своим ученикам. — Надо поискать ночлег.

Чжу Ба-цзе, несший коромысло с поклажей, сердито буркнул: — Отказались от всего готового, не захотелось жить в чистых, прохладных комнатах, а понесло невесть куда, по какой дороге, словно в погоню за душой покойника! Время позднее, вот-вот пойдет дождь, что будем делать?

— Скотина ты! — выругался Танский монах. — Опять начинаешь роптать? Не зря говорят: «Хоть и хорошо в столице Чанъань, а дома лучше!». Если мы сможем поклониться Будде и получим у него священные книги, то, вернувшись в великое Танское государство, я попрошу владыку государя, чтобы тебе на царской кухне разрешили есть вволю несколько лет подряд, может, ты, скотина, обожрешься там, вот тогда и умрешь неприкаянным духом.

Дурень не посмел ничего возразить и лишь втихомолку усмехнулся про себя.

Сунь У-кун тем временем стал глядеть вдаль и, увидев несколько строений у самой дороги, поспешил сообщить об этом наставнику.

— Вот и ночлег! — сказал он.

Танский наставник пошел вперед и увидел развалившиеся декоративные ворота, на которых все же уцелела вывеска. На ней выцветшими от времени четырьмя иероглифами было написано: «Монастырь подвижника Хуа Гуана». Танский наставник спешил.

— Бодисатва Хуа Гуан был учеником Будды Пятицветного пламени, — задумчиво сказал он, прочтя надпись, — но его наказали за то, что он уничтожил повелителя демонов Огневой пытки, и он превратился в духа Усянь. Здесь, безусловно, должен быть его храм!

С этими словами Сюань-цзан вошел в ворота, но внутри царило полное запустение и не было ни души. Он уже хотел было повернуть обратно, но небо было обложено свинцовыми тучами, и хлынул сильный дождь. Пришлось укрыться в развалившемся здании, где путники все же нашли место, защищенное от ветра и дождя. Там они притаились, не осмеливаясь громко разговаривать, чтобы не привлечь внимания злых духов и оборотней. Кто стоя, кто сидя, провели они ночь, не сомкнув глаз.

Вот уж поистине:

Дни благоденствия недолго длились:

Опять нахлынули невзгоды вскоре,

И в праздничном веселье зародились

Тревоги, предвещающие горе.

Но о том, что произошло с нашими путниками, когда они с рассветом отправились дальше, вы узнаете из следующей главы.

<http://tl.rulate.ru/book/14623/290162>